
К.А. Гаврилов, А.Д. Толмач
(Москва)

ОБЫДЕННОЕ ПРИПИСЫВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СИТУАЦИИ ТЕРАКТА: ОПЫТ ВЫДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИЙ ВИНОВНЫХ АКТОРОВ ДЛЯ КОНТЕНТ- АНАЛИЗА¹

На примере текстов, размещенных в интернет-дневниках по поводу теракта в аэропорту «Домодедово», демонстрируется опыт реконструкции категорий акторов, которым обыденно приписывается ответственность за данное неблагоприятное событие. Конструируются системы категорий акторов, действий, выделяются маркеры ответственности. В ходе пилотажа на основе анализа показателей степени согласованности работы кодировщиков определяется применимость разработанных систем категорий в эмпирическом исследовании.

Ключевые слова: приписывание ответственности и вины, категории акторов, контент анализ, блоги, терроризм.

Кирилл Андреевич Гаврилов – кандидат социологических наук, доцент кафедры анализа социальных институтов НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: gavrilov@socio.msk.ru.

Александр Дмитриевич Толмач – руководитель группы аналитики социальных сетей ФГУП РАМИ «РИА Новости», младший научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: tolmach@me.com.

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ 12-33-01305 «Ответственность индивидуальных, коллективных и институциональных акторов в ситуации риска: возможность эмпирического изучения по материалам блогов (на примере теракта в аэропорту «Домодедово» в январе 2011 года)» (2012). Руководитель проекта: К.А. Гаврилов.

Постановка исследовательской задачи

Сюжеты, связанные с приписыванием ответственности и виновности, представляют значительный интерес для социальных наук, поскольку затрагивают центральное для этих дисциплин понятие – социальное действие. Например, известно, что на конструирование этого понятия М. Вебером существенно повлияла правовая традиция, для которой вопрос об ответственности и вине имеет первостепенную значимость [1, с. 102–103]. Отдельные исследовательские направления, сложившиеся в рамках социологии, анализируя ситуации принятия решений, риска или катастроф, обращаются к представлению об ответственности. Одно из них связано с работами М. Дуглас, которая утверждала, что риск – это слово, которое превосходно обслуживает «судебные потребности» современной глобальной культуры, т.е. потребности, связанные с необходимостью указывать на виновных при различных обстоятельствах [2]¹. Связь ответственности и риска подчеркивается и другими исследователями. Так, Н. Луман говорит о риске в контексте решений, которым следует вменить ответственность за некоторое неблагоприятное событие, например за катастрофу [4].

В то же время наиболее значимые эмпирические результаты с точки зрения понимания механизмов приписывания ответственности и вины получены в рамках исследований так называемой народной социологии (*Folk Sociology*), ставящих вопросы о глубине, точности и надежности описательного и объяснительного знания акторов «о себе и о социальном мире, в котором они действуют», в том числе их знания «о причинах и следствиях собственного поведения и поведения других людей» [5]. Отдельное направление этих исследований связано с изучением «наивного» приписывания моральной ответственности или виновности различного рода акторам за некоторое

¹ В связи с этим можно говорить о теории М. Дуглас как об «обвинительной теории опасности» [3].

событие. Здесь для получения результатов реализуется ряд методологических подходов, среди которых можно условно выделить два.

В первом в качестве метода исследования используются факторные экспериментальные планы, в которых варьируются различные элементы так называемых виньеток-сценариев¹, в свою очередь, оцениваемых респондентами по различным шкалам [7]. Один из интереснейших выявленных феноменов – наличие асимметрии в приписывании ответственности и интенциональности в случае, если некоторое действие привело к неблагоприятным последствиям, по сравнению с ситуацией, когда имели место позитивные следствия. В первом случае действие воспринимается скорее как совершенное интенционально и заслуживающее порицания, тогда как во втором – как совершенное непреднамеренно и не заслуживающее похвалы [8; 9, р. 83–84].

При всех достоинствах указанного метода, он имеет очевидное ограничение, связанное с неправдоподобием предъявляемых респондентам сценариев, а также с прямо не проверяемым допущением, что заложенные факторы отражают стимулы, на которые индивиды действительно реагируют при восприятии реальных ситуаций [10, р. 111; 11, р. 5]. Иными словами, полученные результаты позволяют сформулировать лишь гипотезы о том, каким образом индивиды приписывают ответственность различным акторам в повседневной жизни.

Во втором подходе в качестве стимула используются реальные события, что, однако, автоматически делает невозможным варьирование элементов описания, а значит, не позволяет фиксировать влияние определенных факторов на восприятие. В качестве примера приведем исследование Б.Ликеля и коллег, в котором изучались различные аспекты приписывания коллективной ответственности акторам, способствовавшим инциденту в средней школе в городе Литлтон (штат Колорадо) 20 апреля 1999 г., когда

¹ О виньетках подробнее см. в: [6].

два школьника убили 12 соучеников и одного учителя [12]. В результате, в частности, выяснилось, что респонденты приписывают ответственность не только двум школьникам, действия которых привели к трагедии, но и косвенно причастным акторам – семьям этих школьников и неформальной группе учеников, в которой они состояли («Мафия плаща»). Причем типы действий, за которые несли ответственность эти коллективные акторы, различались¹.

Мы предлагаем сосредоточиться на процедуре, которой можно было бы воспользоваться на предварительной стадии реализации *обоих* подходов для выделения из обыденного дискурса акторов, которым потенциально приписывается ответственность. Так, в указанном исследовании Ликеля и коллег лишь отмечается, что акторы определялись «на основе данных СМИ» [12, р. 199]. С учетом того, что оба подхода содержат требование «реалистичности» используемых конструктов, в том числе категорий акторов, представляется оправданным обратиться к обыденному, «наивному» дискурсу для реконструкции явных или неявных категоризаций акторов и преднамеренных действий, что, в частности, позволит при формировании инструментария использовать «близкие-к-опыту» понятия участников исследования.

Таким образом, ключевой вопрос статьи звучит так: каким образом можно реконструировать обыденные категории акторов, которые за рамками взаимодействия с исследователем воспринимаются субъектами-наблюдателями как причастные к расма-

¹ Два обозначенных подхода не исчерпывают всех возможностей. Так, существуют исследования, в которых предпринимается попытка получить доступ к обыденным теориям посредством неформализованных методик [13]. Более того, имеющиеся эмпирические исследования, связывающие понятия «риск» и «ответственность», зачастую используют именно «качественную» методологию [14; 15]. Вопросы о том, можно ли получить сведения о механизмах приписывания ответственности и вины при проведении «качественного» исследования, продуктивно ли при этом использовать виньетки-сценарии [16], находятся за пределами внимания авторов данной статьи.

триваемому неблагоприятному событию? Ответ на этот вопрос предполагает разработку методологических средств, позволяющих провести указанную реконструкцию на основе больших массивов текстовых данных, в которых «фиксируется» обыденный дискурс.

И другой вопрос: можно ли изучать особенности «наивного» приписывания ответственности соответствующим акторам нерективными методами, т.е. без помещения индивидов в ситуацию эксперимента или опроса? В качестве источника сведений о восприятии в данной статье будут рассматриваться тексты, произведенные субъектами в ходе своей «повседневной жизни», причем вовсе не в исследовательских целях (блоги), а применяемым методом будет контент-анализ.

Итак, основная цель статьи – продемонстрировать на конкретном кейсе опыт применения разработанной методологии для выделения категорий акторов, которым обыденно приписывается ответственность за некоторое неблагоприятное событие, и проанализировать возможность проведения контент-анализа с использованием этих категорий для определения специфики такого приписывания.

Описание кейса и эмпирической базы

В качестве события, в связи с причастностью к которому различным акторам обыденно приписывается ответственность, был выбран террористический акт в аэропорту «Домодедово» в январе 2011 г. Этот выбор связан с двумя аспектами:

– содержательным – к настоящему времени недостаточно изучены особенности «наивного» приписывания ответственности и вины различным акторам в ситуации, когда террористический акт уже произошел. Очевидно, что «обыденная» точка зрения на события может радикально отличаться от того, каким образом ситуация воспринимается и оценивается лицами, принимающими решения. Подобный разрыв предположительно влияет на эффективность со-

циальной коммуникации по поводу терактов, на чувство доверия со стороны населения к базовым институтам современного общества;

– методологическим – теракт как значимое событие вызывает значительный общественный резонанс, который сопровождается производством больших объемов текстовой информации (в СМИ, в Интернете), которые могут стать объектом социологического анализа. Доступность и объем этих данных можно рассматривать как вызов для исследователя, который пытается сделать на их основе валидные выводы.

Для анализа был использован только один источник текстовых данных – интернет-дневники (блоги), которые содержат отсортированные в обратном хронологическом порядке записи пользователя. Иными словами, мы рассматриваем блоги как ресурс, позволяющий получить доступ к обыденному дискурсу, в нашем случае – к обыденным представлениям субъекта относительно террористического акта, вовлеченных в него акторов и их ответственности. Такое решение обусловлено рядом преимуществ блогов как источника информации:

– доступность – интернет-дневники размещены в открытом режиме, отсутствует необходимость транскрибировать разговорную речь или переносить текстовую информацию в электронный вид;

– минимизация влияния инструментария, поскольку тексты – это не ответ на вопрос или поставленную исследователем задачу, а спонтанная реакция автора сообщения на событие;

– охват различных категорий населения, т.е. авторы блогов, как правило, – это не профессиональные журналисты или писатели, у которых может быть иное восприятие ситуации по сравнению с специалистами.

В то же время при анализе данных следует принимать во внимание некоторые ограничения, связанные с указанными преимуществами:

– хотя написание сообщения в блоге не обусловлено задачей исследователя, эти тексты, как правило, готовятся с определенной интенцией, которую трудно контролировать;

– блогер обычно не является изолированным объектом, он существует и взаимодействует в рамках блогосферы [17], соответственно, любое сообщение может содержать в себе явное или имплицитное ожидание реакции, что влияет на содержание этого текста¹;

– блогосфера зачастую воспринимается как альтернатива традиционным СМИ [19], причем это мнение могут разделять и сами блогеры, которые при написании сообщений способны примерять на себя роль независимых журналистов, что также накладывает отпечаток на анализируемый контент.

Все эти ограничения заставляют думать, что судить по блогам о восприятии неспециалистами событий в аэропорту Домодедово в январе 2011 г. не вполне правомерно, поскольку сам факт ведения блога может быть связан с интересующими нас переменными². В то же время подчеркнем, что нас интересуют не столько содержательные аспекты изучаемой темы (например, реакция блогосферы на теракт³ или «рейтинги виновности» соответствующих акторов), сколько лежащие в их основе «наивные» классификации и глубинные принципы приписывания ответственности, которые могут обладать большей универсальностью⁴.

Так или иначе, блоги для нас – это прежде всего удобный в плане доступности источник сведений о восприятии неспециалистами событий, связанных с терактом в аэропорту Домодедово в январе

¹ См., например, обсуждение вопросов об адресованности записей в интернет-дневниках с использованием метафор И. Гофмана [18, с. 28–30].

² Так, одна из тенденций состоит в том, что активное использование сети Интернет способствует росту политической информированности и вовлеченности [20]. В связи с этим можно предположить, что мнения блогеров в целом будут более разнообразными и, вероятно, радикальными (хотя российская специфика может накладывать серьезный отпечаток [21]).

³ В качестве примера можно привести исследования реакции блогосферы на аварию на Саяно-Шушенской ГЭС. См.: [22].

⁴ Впрочем, это предположение нуждается в проверке, что выходит за рамки данной статьи.

2011 г. Полагаем, что демонстрируемые нами процедуры могут быть реализованы и на других массивах текстов, например на публикациях в СМИ, письмах, сочинениях или эссе [23]. В перспективе возможно обсуждение вопроса, в какой степени различаются результаты реализации предлагаемой нами методологии реконструкции обыденных категорий в зависимости от типа исходных текстов.

Для сбора данных использовался сервис мониторинга социальных медиа *IQBuzz* [24], который агрегирует сообщения пользователей из различных социальных медиа и позволяет делать выгрузку сообщений по ключевым словам и сложным запросам¹. В массив сообщений отбирались все записи в блогах, удовлетворяющие следующим критериям:

- упоминание одного из ключевых слов – «Домодедово» или «Domodedovo»;

- только русскоязычные сообщения, опубликованные на платформе *LiveJournal.com* («Живой журнал»);

- включение только сообщений, без комментариев;

- время публикации – с 16:32 24 января по 23:59 27 января 2011 г., т.е. чуть более трех дней после теракта. Это ограничение связано с намерением получить скорее сведения о первой реакции субъекта, чем результат длительной рефлексии.

Общий объем собранных данных – 21888 сообщений.

¹ Надежные исследования полноты собираемых данных отсутствуют. Имеются лишь косвенные свидетельства о том, что сервис *IQBuzz* в целом работает лучше других подобных систем [25; 26], хотя это не говорит о полноте информации. Обратим также внимание, что мы использовали исключительно поиск по сообщениям платформы *LiveJournal.com*, администрация которой не препятствует работе поисковых роботов, программ-«пауков» и сборщиков данных. Иными словами, в *Livejournal.com* любое сообщение, если для него не был выставлен статус «только для друзей», индексируется и технически доступно для сборщика данных. В совокупности эти два указанных обстоятельства (более полная выдача *IQBuzz* и минимизация ограничений на работу сборщиков данных в *Livejournal.com*) позволяют нам допустить, что выбранная методика сбора массива данных (генеральной совокупности) имеет право на существование.

Подготовительный этап: разработка системы категорий

Исходные положения

Реконструкция системы категорий, хотя и предполагает в большей степени анализ обыденных представлений самих субъектов, требует наличия рабочих определений понятий «актор» и «действие», которые были бы релевантны рассматриваемой ситуации – террористическому акту¹. Имея в виду конечную цель – выявление специфики «наивного» приписывания ответственности, – мы трактовали сам террористический акт расширительно, включая в него три элемента:

- сам взрыв, осуществленный террористом-смертником;
- условия, которые сделали это возможным;
- последствия, под которыми мы понимали не столько пострадавших от взрыва, сколько вторичные последствия, например условия, в которых оказались посетители аэропорта.

Мы предположили, что акторы, чтобы выступать в качестве обвиняемых, должны восприниматься как *причастные* хотя бы к одному из указанных элементов теракта. Эта причастность могла принимать две формы:

- как *способствование* тому, что произошел некоторый элемент теракта;
- как *бездействие, упущение*, которые привели к данным неблагоприятным обстоятельствам.

Эти две формы в целом соответствуют применяемому в социальной психологии различению, связанному с правовой традицией, между действием (*commission*) и бездействием (*omission*),

¹ Мы рассматриваем создание системы категорий и как самостоятельную задачу, и как необходимый подготовительный этап проведения количественного контент-анализа [27, с. 94].

которое оказывает существенное влияние на моральную оценку некоторого события [12, р. 196; 28]¹.

Обратим внимание, что обе указанные формы причастности фактически являются типами действий, за реализацию которых актерам может обыденно приписываться ответственность. Это позволило нам *под актерами понимать субъектов, действия или бездействие которых способствовали появлению одного из элементов теракта*. Далее для удобства будем использовать термин «способствование» для обозначения действия, а «упущение» – для обозначения бездействия. Поскольку имеющиеся результаты исследований свидетельствуют о том, что вина скорее приписывается при наличии у действий отрицательных, неблагоприятных последствий [8], то из анализа исключались действия, вызвавшие позитивный эффект.

Схематично связь между элементами теракта и типами действий представлена на *рис. 1*. Там же приведены примеры конкретных действий и совершающих эти действия акторов.

На реконструкцию системы категорий акторов влияют исходные представления исследователя не только о возможных типах действий, но и о потенциальных типах акторов. Мы придерживались тезиса, что на оценки виновности может влиять ответ на вопрос: *является ли актер корпоративным, коллективным или индивидуальным субъектом?* – поскольку это предполагает различную степень воспринимаемого влияния (и контроля) на неблагоприятную ситуацию [30, с. 52]. Близким по смыслу различением, используемым в социологии, является деление социальной реальности на микро-, мезо- и макроуровни [31, с. 578–581; 32, с. 12–15]. Это позволяет нам в качестве гипотезы использовать очень условное деление воспринимаемых акторов на три типа:

¹ Обсуждение этого различения и его влияния на моральную оценку на философском уровне см., например: [29].

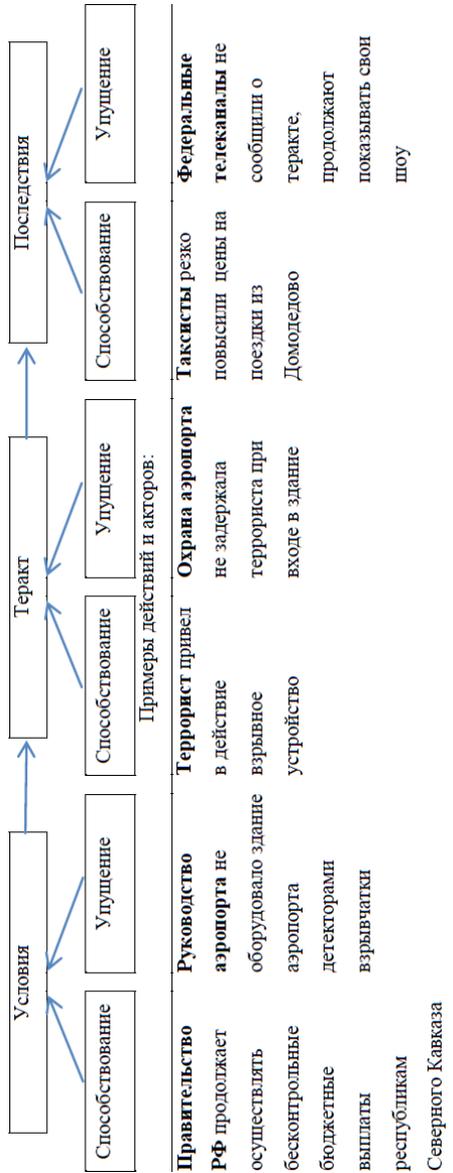

Рис. 1. Элементы теракта, типы действий, примеры действий и акторов

– *индивидуальные акторы* независимо от их «определенности», т.е. это могут быть как вполне «идентифицируемые» лица, так и «анонимные» участники событий;

– *коллективные, групповые акторы*, к которым условно могут быть отнесены и несамостоятельные части организаций, и неформальные объединения;

– *институциональные, корпоративные акторы*. В эту категорию было решено включать как конкретные организации или учреждения, так и весьма абстрактные образования, которые – с учетом того, что их обозначения оперируют неспециалисты, – лишь условно можно назвать институтами (например, «власть», «СМИ» или «бизнес»).

Категории акторов и действий: кого обвиняют и в чем?

Первичная система категорий действий была создана посредством реконструкции обыденных представлений субъектов на основе анализа 300 сообщений (600 тыс. знаков), отобранных из сформированной ранее базы данных случайным образом. Данный массив мы рассматривали в качестве генеральной совокупности, из которой генератором псевдослучайных чисел составлялись выборки неповторяющихся элементов¹.

Логика построения системы категорий акторов включала в себя два шага. На первом необходимо было понять, какие наблюдаемые действия соответствуют двум указанным формам (и это именно то, *за что* несут ответственность акторы). На втором шаге выявлялись непосредственно категории акторов, совершавших эти действия (тот, *кто* несет ответственность).

Были выписаны все действия, которые могут быть соотнесены с одной из шести связей «тип действия – элемент теракта» (способствование – условия, упущения – условия, способствование –

¹ Подробнее об использованном генераторе и процедуре `random.sample` см: [33].

теракт и т.д.). Чтобы исключить заведомо нерелевантные действия из дальнейшего анализа, в соответствии с нашими исходными предположениями пропускались все упоминания о действиях, если они имели позитивные последствия¹.

Проблемы, возникавшие в процессе указанного соотнесения, обсуждались двумя исследователями, выработанные решения фиксировались. Например, на начальной стадии недостаточно ясным казалось различие между связками «упущения – условия» и «упущения – теракт». В итоге было определено, что связка «упущения – теракт» имеет место только тогда, когда бездействие актора *напрямую* повлияло на развитие событий, т.е. позволило террористу пронести взрывчатку в аэропорт и активировать устройство («милиция не досмотрела террориста при входе в аэропорт»), тогда как связка «упущения – условия» соответствует неким обобщенным причинам, которые лишь *опосредованно* повлияли на возникновение трагедии («спецслужбы не внедряли информаторов в бандформирования»).

В результате было зафиксировано 138 релевантных для дальнейшего анализа формулировок действия (только шесть из них встречались в идентичной формулировке два раза и чаще). Далее эти действия были объединены по смыслу в 27 категорий (*табл. 1*). Для более удобного проведения последующего контент-анализа каждой категории были приписаны несколько наиболее ярких примеров формулировок.

Итак, приведенные действия – это именно то, в чем обвиняют авторы блогов различных акторов. Однако предварительный анализ показал, что в некоторых сообщениях содержатся обвинения

¹ В результате многие действия не были включены в анализ. Например, высказывание «президент пообещал, что организаторы взрывов будут найдены и наказаны» хотя и содержит связанное с терактом действие, но не соответствует ни одной из шести связок «тип действия – элемент теракта» и не имеет негативных последствий. Большинство действий, принявших форму простых намерений, деклараций и пожеланий, также не вписывалось в обозначенные рамки.

Таблица 1

КАТЕГОРИИ ДЕЙСТВИЙ И СООТВЕТСТВУЮЩИЕ СВЯЗКИ «ТИП ДЕЙСТВИЯ – ЭЛЕМЕНТ ТЕРАКТА»

Связка	Категория действий
Способствование – условия	Подготовка террористов*
	Финансирование Кавказа
	Ликвидация границ с кавказскими республиками
	Угнетение русского населения
	Изменение структуры системы транспортной безопасности
Упущение – условия	Невыполнение или недостаточное выполнение должностных обязанностей
	Отсутствие должной работы по борьбе с терроризмом
	Преследование собственных интересов, политических целей вместо обеспечения защиты людей
	Отсутствие национальной политики
	Отсутствие контроля за деятельностью силовых структур
Способствование – теракт	Осуществление взрыва
	Организация теракта, контроль того, кто осуществил взрыв
	Неясная степень причастности к конкретному теракту**
Упущение – теракт	Невыполнение или недостаточное выполнение должностных обязанностей
	Недостаточная организация контроля в аэропорту
	Поиск террористов в другом месте
	Бездействие при наличии знания о готовящемся теракте
	Другие действия вместо обеспечения безопасности
	Непредотвращение данного взрыва (без конкретизации)
Способствование – последствия	Повышение цен на проезд от аэропорта
	Рассылка сообщений с просьбой перевести деньги
	Действия, связанные с пиаром
	Использование теракта в своих целях***
	Усугубление последствий иным способом

Связка	Категория действий
Упущение – последствия	Недостаточно оперативное и объективное освещение
	Отсутствие контроля за действиями таксистов, мошенников
	Неадекватные действия после теракта

Примечания

* Вообще террористов, а не участников теракта в Домодедово.

** Например, если напрямую говорится о «причастности к подготовке теракта» некоторого актора.

*** Помимо трех предыдущих категорий (повышение цен на проезд, рассылка сообщений и пиар).

без указания на действия в форме способствования или упущения. Такие случаи были выделены в две самостоятельные категории:¹

– интерпретации, которые имеют формат «теракт – это действие актора Х» (например, «теракт – это месть чеченцев»);²

– указания на «общую ответственность» за теракт, когда не совсем понятно, в чем именно виноват соответствующий актер («во всем виновата транспортная милиция»).

Наличие этих двух категорий может свидетельствовать как о существовании других механизмов приписывания ответственности, для которых наличие сведений о способствовании/упущении не является необходимым условием³, так и об ограничениях

¹ Они были отнесены к действиям несмотря на то что таковыми могли быть в исключительных случаях.

² Здесь мы видим явное указание на актора, который скорее всего и должен вести ответственность. Но «месть» в данном случае – это не действие в форме способствования/упущения, а некоторое объяснение смысла теракта как такового, т.е. его интерпретация.

³ На такую возможность косвенно указывают некоторые теоретические положения. Так, М.Дуглас полагает, что обвинения «падают» на некоторых субъектов не столько потому, что их действия приводят к неблагоприятным последствиям, сколько в силу особого положения этих субъектов в социальной структуре данного общества [34]. Им, разумеется, могут быть приписаны действия, но это – не необходимое условие.

используемого инструментария: авторы блогов, например, при указании на «общую ответственность» могут *подразумевать* наличие некоторого действия, однако исследователь лишен возможности задавать об этом вопросы, и, как следствие, осуществить полную реконструкцию. Чтобы выяснить, какое из этих двух предположений более правдоподобно, требуется использование другой методологии (опрос или эксперимент).

Второй шаг состоял в выделении системы категорий акторов, которые выполняют соответствующие действия. Использовалась та же самая выборка из 300 сообщений.

Предварительное деление акторов на три типа (индивидуальные/коллективные/институциональные) способствовало упорядочиванию упоминаний различных субъектов. Близкие по смыслу формулировки были объединены в укрупненные категории.

Требовалось также учитывать *взаимное соответствие* между представителями различных типов акторов, обусловленное их отношением к некоторой общей категории. Например, отдельный депутат (индивидуальный актор) соответствует группе депутатов (коллективный актор) и Государственной Думе (институциональный актор). В то же время эти три актора могут быть отнесены к наиболее общей макрокатегории – власть. Однако власть также фигурирует в записях интернет-дневников в качестве самостоятельного актора.

В *табл. 2* представлены основные категории акторов, соотнесенные с тремя обозначенными типами. При этом в строках размещены акторы, которые по содержанию соответствуют друг другу и некоторой макрокатегории (выделена полужирным шрифтом), которая также выступает в качестве самостоятельного актора¹. Как и в случае с действиями, каждая категория акторов

¹ Отметим, что наличие или отсутствие такого соответствия фиксировалось исследователями, имеющиеся данные не позволяют судить об этом на основе анализа самих текстов блогов.

в целях проведения контент-анализа была проиллюстрирована несколькими яркими примерами формулировок.

Следует сделать важную оговорку: полученная система категорий не может рассматриваться как обыденная классификация, поскольку у нас отсутствуют свидетельства в пользу того, что восприятие теракта индивидами действительно упорядочено в соответствии с ее принципами, а связи между категориями релевантны мышлению блогеров (например, совсем не очевидно, что для них движение «Наши» наравне с РПЦ – части общественных организаций, а силовые структуры следует отделять от властей). Не может эта система категорий служить и примером «коллективно создаваемой классификации» (то, что иногда обозначается как *folksonomy* [35, p. 153–155]), поскольку ее категории не выводятся из коллективно и вполне сознательно используемых блогерами «меток» (так называемых тэгов).

Наличие актора, совершающего какое-либо действие, автоматически не означает, что автор блога обвиняет этого актора. В связи с этим было решено кодировать не только акторов и действия, но и приписываемую актору ответственность. Предварительный анализ показал, что возможны как минимум три ситуации:

1) актору приписывается ответственность. О том, что имеет место такая ситуация, свидетельствуют следующие маркеры:

- наличие таких ключевых слов, как «виновен», «виноват в том, что», «ответственность лежит на»;
- требование каким-то образом наказать актора;
- эмоционально-окрашенное суждение, зачастую с использованием ненормативной лексики¹;

2) отрицается ответственность актора. Обычно имеет место тогда, когда явным образом указывается, что актер не несет ответственности за произошедшее и его не следует обвинять²;

¹ Например: «По аэропорту шлялся кто попало в то время, как менты увлеченно шмонали всяких таджиков и собирали дань с тех же бомбил».

² Например: «Хоть убейте, я не вижу вины авиапорта в теракте».

Таблица 2

ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ АКТОРОВ

Категория акторов		индивидуальная
институциональная	коллективная	индивидуальная
[Международный терроризм]*1	Религиозные группы*2 Кавказцы, другие многочисленные группы*2 Экстремистские организации*2 Отдельные группы террористов Организаторы теракта в Домодедово	Террорист
Власть, руководство страны в целом	Президент Д. Медведев Премьер В. Путин Руководство отдельного региона Депутаты	Президент Д. Медведев Премьер В. Путин Руководитель региона Депутат
Министерство (не силовое)		
Силовые структуры	Руководство структур	Руководитель ведомства Высокопоставленный представитель силовых структур
Силовые министерства и ведомства	Группы или департаменты	Представитель силовой структуры
	Группа (на уровне аэропорта) *3	[Представитель группы (на уровне аэропорта)]
Оппозиция	Группы оппозиционеров	[Конкретный оппозиционер]

Продолжение табл. 2

Категория акторов		
институциональная	коллективная	индивидуальная
Аэропорт «Домодедово»	Руководство аэропорта Домодедово Собственники (владельцы) аэропорта	Руководитель аэропорта
[Бизнес России] Коммерческие структуры, напрямую не связанные с Домодедово	Руководители коммерческих структур	[Конкретный руководитель]
СМИ Центральное ТВ Конкретный канал	Журналисты	
[Общественные организации, НКО] РПЦ [Проправительственные организации]	Объединения (группы) добровольцев, в том числе просто добровольцы «Наши»	[Конкретный доброволец] Лидер движения «Наши» Член движения «Наши»
Общество в целом, население ⁴ [Спасатели]	Русские Медики Отряд МЧС Группы врачей	Представитель населения [Отдельный спасатель]
Другие страны / нации, спецслужбы/организации зарубежных стран		

Окончание табл. 2

Категория акторов		индивидуальная
институциональная	коллективная	
Враги		
[Другие акторы]		
Таксисты		
Фанаты		
Мошенники		
Очевидцы		
Фотографы		
Блогеры		
[Другой актор]		

Примечания:

Полужирным выделены акторы, которые используются для обозначения макрокатегорий.

*1 В квадратных скобках – акторы, которые не были упомянуты в исходной выборке. На первоначальной стадии они добавлены для обеспечения логической завершенности системы категорий. Последующий анализ показал наличие реальных обращений к этим акторам в текстах.

*2 При обозначении таких групп блогерами не применяется термин «террорист».

*3 Формально некоторые группы, которые отнесены к этой категории, не являются спецслужбами (например, охрана аэропорта). Однако далеко не всегда из текста понятно, о какой именно группе идет речь, поэтому было решено использовать единую категорию. Вероятно, макрокатегорию корректнее было бы обозначить как «институты, отвечающие за безопасность», но мы решили ее не использовать, поскольку она априори содержит в себе указание на ответственность.

*4 Скорее всего все население страны, которое не относится к категориям «власть» или «силовые структуры».

3) актору не приписывается ответственность (нейтральное сообщение). В таких случаях упоминалась связка «тип действия – элемент теракта» и некий актер, однако отсутствовали дополнительные элементы, позволяющие говорить о возложении вины на актора¹.

Таким образом, самая сложная (и самая важная в контексте нашей темы) задача – это определить, содержится ли в сообщении обвинение актора. Во многом это решение зависит от интуиции исследователя. Заметим также, что корректнее было бы говорить не о приписывании ответственности как таковой (дихотомическая переменная), а о континууме ответственности. Впрочем, попытки располагать на этом континууме анализируемые суждения не предпринимались.

Работа по выделению категорий акторов и действий показала, что следует принимать во внимание, с одной стороны, наличие различий между «авторскими» сообщениями, «перепостами» авторских сообщений и «перепостами» СМИ/официальных источников, а с другой – то обстоятельство, что в одном сообщении может одновременно цитироваться новость из СМИ и даваться собственный комментарий. Поэтому мы фиксировали не тип дневниковой записи в целом, а тот «контекст», в котором упоминался актер, связка «тип действия – элемент теракта» и маркеры ответственности.

Наличие приписывания ответственности, а также типы контекста упоминания каждого актора в ходе кодирования были рассмотрены как уточняющие характеристики актора.

¹ Например: «Бомбу подорвал террорист-смертник».

Пилотаж: система категорий акторов и действий в ходе контент-анализа

Процедура

Само по себе выделение указанных категорий не гарантирует их применимости в ходе контент-анализа массива текстовых фрагментов (в нашем случае – записей в интернет-дневниках). В качестве меры применимости выступала *степень согласия двух независимых кодировщиков друг с другом (intercoder reliability)*¹. Очевидно, что использование только этого критерия позволяет делать предварительные выводы о применимости использованных систем категорий, поскольку лишь косвенно указывает на воспроизводимость полученных результатов и ничего не говорит об их валидности. Однако мы полагаем, что этот критерий может рассматриваться в качестве «базового», т.е. высокая степень согласованности – это необходимое условие применимости используемого инструментария².

Для прояснения вопроса о применимости выделенных категорий было последовательно реализовано три тестовых (пробных) кодирования небольших массивов данных. Принципиальные различия между ними заключались лишь в том, что после получения результатов каждой «пробы» вносились корректировки в инструкцию кодировщика и некоторые дополнения к процедуре анализа, чтобы обеспечить более высокую степень согласованности работы исследователей на последующих стадиях³.

¹ Один из возможных переводов – «интер-достоверность кодировщиков» [27, с. 97]. Согласие между кодировщиками можно рассматривать как частный случай согласия между наблюдателями (*interobserver reliability*), что иногда переводится как «межнаблюдательская надежность» [36, с. 522].

² Именно высокое согласие кодировщиков, а также значительный объем выборки, по словам Хайеса и Киппендорфа, вселяют в нас уверенность в то, что «наши данные будут взаимозаменяемы с данными других исследователей, воспроизводимы и заслуживающими доверия» [37, р. 105–107].

³ Подробное описание изменений см. далее.

Все три теста были основаны на единых принципах.

1. Каждый тестовый массив состоял из 50 сообщений (объем около 90 тыс. знаков), который формировался случайным образом из общей базы данных сообщений интернет-дневников.

2. В качестве единицы анализа (кодирования) выступал актер, точнее, описание актора¹. Таким образом, сообщение могло содержать указание на одного или нескольких акторов, но акторы могли вообще отсутствовать.

3. Каждый актер относился к одной из указанных категорий акторов (см. *табл. 2*) и действий (см. *табл. 1*), уточняющими характеристиками выступали:

– наличие или отсутствие приписывания ему ответственности, отрицание ответственности;

– «контекст» реконструируемого действия (авторское мнение, «перепост» авторского мнения, сообщение из СМИ или другое).

4. Фиксация указанных категорий предполагала некоторый отход от требований, предъявляемых к формализованному контент-анализу, поскольку ни для одной из категорий у нас не было исчерпывающего перечня словоформ [23; 39]. Отнесение происходило по смыслу, на основе интуитивного ощущения (с позиции кодировщика) близости наблюдаемых формулировок и тех примеров, которые были на подготовительной стадии приписаны каждой категории.

Результатом проведенного контент-анализа стала матрица, где строками были акторы, а столбцами – их характеристики, а также уникальный номер сообщения (фрагмент матрицы см. в *табл. 3*).

¹ Строго говоря, поскольку мы определяли актора через действие, то единицей анализа была связка актер–действие (за исключением тех ситуаций, когда речь шла об интерпретациях и общем указании на виновного). Таким образом, выделение единиц анализа происходило по двум принципам одновременно: актер выделялся на основании соответствия определенной категории (*categorical distinction*) и на основе наличия связи с другим типом категорий (*propositional distinction*) [38, p. 105–107].

Таблица 3
 ПРИМЕР КОДИРОВАНИЯ АКТОРОВ (ФРАГМЕНТ МАТРИЦЫ ДАННЫХ)

Номер актора	Номер сообщения	Актор	Действие	Ответственность	Контекст
7	L12277	Путин	<i>Интерпретация</i>	<i>Наличие</i>	СМИ
8	L12277	Аэропорт «Домодедово»	Общее указание	Отрицание	Пост
9	L1233	<i>Аэропорт «Домодедово»</i>	<i>Недостаточная организация контроля в аэропорту</i>	<i>Нет сведений</i>	<i>СМИ</i>
10	L13703	<i>Силовое министерство</i>	<i>Невыполнение или недостаточное выполнение должностных обязанностей</i>	Наличие	Пост
11	L13703	Руководство аэропорта Домодедово	<i>Невыполнение или недостаточное выполнение должностных обязанностей</i>	Наличие	Пост
12	L14440	Группа (на уровне аэропорта)	Общее указание	Отрицание	Перепопст

Примечания:

- 1) в реальной матрице всем значениям приписывались соответствующие коды;
- 2) курсивом выделены коды, не совпадающие у двух кодировщиков. Курсив номера актора и сообщения означает, что один из кодировщиков не выделил данного актора.

Как известно, существуют различные критерии степени согласия исследователей, например каппа Коэна [38, р. 244–250]. Исходя из наших данных были сформулированы следующие требования к этому критерию:

- возможность расчета по номинальным данным¹;
- отсутствие необходимости очищать массив от пропущенных данных;
- отсутствие требования, согласно которому результаты работы кодировщиков должны быть описаны одинаковыми наборами использованных категорий².

Этим требованиям, в частности, удовлетворяет критерий альфа Криппендорфа, который мы использовали в работе [37]. Он равен единице, если результаты работы кодировщиков совпадают, 0 – если абсолютно не совпадают.

Некоторые особенности этого критерия и специфика наших данных требовали использования дополнительного показателя – процента случаев согласия кодировщиков друг с другом [36, с. 425].

Результаты

По итогам каждого тестового кодирования был вычислен критерий альфа Криппендорфа для измерения степени согласованности кодирования исследователями по каждой из четырех характеристик единицы анализа (категория актора, действия,

¹ Строго говоря, использованные в данном исследовании коды нельзя признать полностью номинальными из-за наличия взаимосвязей и упорядоченности категорий. Но для расчета коэффициентов согласованности мы их трактовали как номинальные.

² На практике это подразумевает наличие «квадратной» таблицы сопряженности, где по столбцам отображаются результаты работы одного кодировщика, а по строкам – другого. Такое требование выдвигается при расчете каппы Коэна. В нашем случае мы предполагали, что на небольших массивах два кодировщика могут в итоге использовать различные наборы категорий в рамках сконструированной системы категорий.

ответственности и контекста)¹. Вычисление критерия требовало составления «объединенного» перечня акторов на основе работы двух кодировщиков.

Проблема использованного критерия состоит в том, что он рассчитывается только по «полным» наблюдениям, т.е. по тем из них, которые закодированы обоими исследователями. Иными словами, акторы, зафиксированные лишь одним кодировщиком, не принимаются во внимание. Однако мы полагаем, что подобные ситуации также характеризуют степень согласованности работы кодировщиков. Чтобы учесть их, мы сконструировали обобщенный показатель, который равен проценту совпадений по всем четырем характеристикам, т.е. если один из кодировщиков пропускал некоторого актора, то это учитывалось как 4 несовпадения. Так, в *таб. 3* приведены данные по 6 акторам, а число совпадающих кодов равно 15 (63%). Также мы определяли долю акторов, все характеристики которых были закодированы двумя исследователями идентично (в *табл. 3* таких акторов всего 2, или 33% от их общего числа).

Результаты расчета показателей степени согласия кодировщиков представлены в *табл. 4*.

Таблица 4

СТЕПЕНЬ СОГЛАСИЯ КОДИРОВЩИКОВ
ПО ТРЕМ ТЕСТОВЫМ КОДИРОВАНИЯМ

Показатель	Номер тестового кодирования		
	1	2	3
Акторы, α	0,83	0,71	0,79
Действия, α	0,45	0,64	0,73
Ответственность, α	0,70	0,46	0,51
Контекст, α	0,93	0,49	0,85
Количество пар для расчета α	20	34	61

¹ Для вычисления использовался специальный SPSS-макрос KALPHA, описание которого содержится в [37], а сам программный код размещен на личной странице одного из его авторов [40].

Окончание табл. 4

Показатель	Номер тестового кодирования		
	1	2	3
Обобщенный показатель, %	30	47	80
Полные совпадения, %	13	18	39
Количество акторов	53	51	61

Как мы отмечали, основное отличие каждого последующего тестового кодирования заключалось в более точной инструкции и некоторых изменениях процедуры.

Первое тестовое кодирование – исследователи имели лишь инструкцию, в которую были включены следующие элементы:

- а) системы категорий акторов, действий, маркеров приписывания ответственности и типа сообщения,
- б) описание каждой категории,
- в) яркие примеры формулировок каждой категории.

Второе – исследователи имели дополнительные правила кодировки, которые сделали инструкцию кодировщика более детальной (см. *Приложение*). Эти правила кодирования были получены в результате обсуждения всех несоответствий первого тестового кодирования. Впрочем, не все обсуждавшиеся аспекты можно было формализовать. Более того, сам факт обсуждения результатов первого тестового кодирования, несомненно, повлиял на итоги второго.

Третье тестовое кодирование было реализовано по модифицированному алгоритму, который был разбит на две стадии:

– массив из 50 сообщений делится на 2 части. Каждый исследователь маркирует в своей части все упоминания акторов (без кодирования), далее смотрит маркировки другого исследователя. Разногласия обсуждаются, результаты вносятся в массив;

– уже размеченный массив из 50 сообщений кодируется по традиционной схеме.

Таким образом, существенная особенность третьего тестового кодирования – отсутствие независимой работы кодировщиков на первой стадии, что накладывает серьезные ограничения на ин-

терпретацию итоговых показателей¹. Однако мы надеялись, что наличие единого перечня акторов существенно повысит степень согласия кодировщиков.

Итак, наше предположение заключалось в том, что каждое последующее тестовое кодирование должно было свидетельствовать о все более высокой степени согласованности работы кодировщиков. Связано это не только с уточнением инструкций и модификацией процедуры, но и с самим фактом обучения кодировщиков.

Однако данные лишь отчасти подтверждают это предположение. С одной стороны, действительно, показатели, основанные на процентах совпадений, растут с каждым последующим тестовым кодированием. Так, обобщенный показатель к третьему тестовому кодированию достиг уже 80%, что в некотором смысле можно считать приемлемым уровнем². С другой стороны, даже в этом случае только согласованность кодирования акторов, контекста и – очень условно – действий достигает приемлемых значений, если мы используем показатель α Криппендорфа³. При этом сравнительно высокие показатели первого тестового кодирования скорее всего должны быть объяснены слишком малым числом наблюдений, использованных для вычислений α (всего 20 из 53 возможных).

В то же время ключевой вывод состоит в том, что определение важнейшей с точки зрения нашей темы характеристики актора – специфики приписывания ему ответственности – характеризуется

¹ Поскольку на первой стадии кодировщики действовали не независимо, то для адекватной оценки такого алгоритма следовало бы привлечь еще одну пару кодировщиков, которые бы произвели аналогичную маркировку текстов. Далее эти маркировки следовало бы сравнить, используя аналогичные критерии согласованности.

² Впрочем, учитывая «грубость» этого показателя, вопрос о приемлемости заслуживает отдельного рассмотрения.

³ Обсуждение вопроса о «приемлемых» значениях α см. в: [38, р. 241–242]. В этом источнике Криппендорф предлагает считать приемлемыми значения α , превышающие 0,8.

максимальной неопределенностью. Строго говоря, нам следовало бы сделать заключение о неприемлемости используемой процедуры определения ответственности в дальнейшей работе. Аргументом в пользу продолжения работы может служить лишь то, что в третьем тестовом кодировании у двух исследователей не было разногласий относительно приписывания ответственности 44 акторам (72%).

Проблематичность определения приписывания ответственности может быть связана прежде всего с недостаточной четкостью инструкции кодировщика. Так, только по итогам третьего тестового кодирования был рассмотрен вопрос, казавшийся изначально тривиальным: *кто именно* приписывает ответственность? Приписывать ответственность может (1) сам автор записи в интернет-дневнике, (2) субъект, который фигурирует в этой записи, (3) автор цитируемого сообщения (например, СМИ). Хотя нас интересует преимущественно первая ситуация, зачастую их разделить трудно, особенно – если автор блога в рамках одной записи и цитирует другой источник, и выражает свое мнение. Возможны записи, в которых имеется перепост авторского сообщения, где, в свою очередь, содержится цитата из СМИ с указанием на виновного актора. Имеющаяся система кодирования не позволяет фиксировать подобные сложные конфигурации.

Кроме того, неоднозначная идентификация приписывания ответственности может быть объяснена тем, что кодированию мог подвергаться не только сам текст, наблюдаемые маркеры ответственности, но и то, что за этим стоит – предположения кодировщиков относительно специфики восприятия ситуации самим блогером.

Заключение

Полученные результаты можно разделить на две части. Первая касается процедуры построения системы категорий акторов и действий на основе текстовых данных, «отражающих» обыденный

дискурс. Эта работа может рассматриваться как необходимая предварительная стадия многих исследований, где в центре внимания стоят вопросы ответственности. Можно констатировать, что использование блогов в качестве источника данных для построения таких систем – достаточно эффективное с точки зрения затрат и полученных результатов решение. Действительно, на основе анализа всего 300 сообщений были составлены системы категорий (и сделаны предположения об отсутствующих категориях), которые в целом оказались применимы в ходе дальнейшего анализа. Разработанность и достаточно широкий охват явлений (акторов и действий) позволяет надеяться, что такие системы категорий можно использовать как при анализе других типов релевантных текстов (например, сообщений в СМИ), так и в исследованиях, основанных на иной методологии (скажем, при конструировании анкеты или разработке дизайна эксперимента). Впрочем, в рамках данного исследования такая проверка проведена не была.

Вторая часть связана с оценкой применимости разработанных категорий для получения сведений о специфике обыденного приписывания ответственности и виновности различным акторам с помощью контент-анализа. Данные, полученные в ходе трех тестовых кодирований, показали в целом невысокий уровень согласованности работы кодировщиков, особенно при оценке приписываний ответственности. Это позволяет нам сделать предварительный вывод, что при всей привлекательности идеи изучать специфику восприятия виновности акторов на основе анализа блогов, она по меньшей мере труднореализуема. На характер производимого текста влияют разнообразные факторы (от интенций автора, его способности письменно оформлять мысли до специфики контекста написания), которые трудно контролировать, а в случае применения контент-анализа на это наслаивается специфика восприятия текста самим исследователем, пусть и в значительной степени ограниченная инструкцией. В связи с этим совсем не удивительно, что ключевые результаты при изучении

«наивного» приписывания вины получены в ходе экспериментальных исследований.

Тем не менее существуют пути повышения качества результатов, полученных методом контент-анализа, которые нуждаются в обсуждении.

1. Использование средств компьютерной автоматизации процедуры контент-анализа. Хотя не вызывает сомнений тот факт, что имеющееся программное обеспечение способно значительно упростить процесс выделения категорий, это, по-видимому, все же в большей степени верно в отношении тех категорий, с которыми могут быть связаны перечни словоформ. В случае, когда речь идет об анализе смысла некоторой фразы – а именно с этим мы сталкиваемся при изучении приписывания ответственности, перспективы стоит оценивать очень осторожно [39, с. 73]. Более того, хотя какие-то (и даже поддающиеся интерпретации) результаты автоматического кодирования всегда могут быть получены, они нуждаются в сопоставлении с итогом ручного кодирования, которое, как было показано в нашем исследовании, заслуживает доверия лишь с оговорками.

2. Привлечение механизма краудсорсинга (*crowdsourcing*) содержит потенциальную возможность преодоления ограничения машинного кодирования, связанного с поиском смыслов в тексте и его фрагментах [41; 42]¹. Действительно, агрегирование результатов кодирования, осуществленное большим числом людей (а не двумя исследователями), может стать решением проблемы несовпадений: верным может считаться позиция, выбранная по заранее определенному алгоритму, в простейшем случае – мнение большинства. Представляется, однако, что в этом случае мы имеем

¹ Впрочем, в указанных работах приводятся несколько иные примеры задач, решаемых в ходе подобного «аутсорсинга», когда привлекаемым ресурсом выступает работа неспециалистов: распознавание эмоций, категоризация рисунков, похожесть слов и др.

дело лишь с видимостью решения проблемы, по крайней мере до тех пор, пока не будет показано, что толпа способна «адекватно» интерпретировать смысл текста¹. Последнее обстоятельство указывает на корень проблемы: мнение двух исследователей или группы неспециалистов оказывается несогласованным не из-за неясных инструкций или особенностей восприятия, а из-за неоднозначности, присущей самим текстам.

3. Использование данных, полученных другими методами, для модификации процедуры и уточнения результатов проведенного контент-анализа. Прежде всего, речь идет о наличии возможности получить доступ к авторам самих анализируемых текстов, чтобы понять как соотносятся их обыденные представления, с одной стороны, с написанным ими самими текстами, а с другой – с результатами работы кодировщиков. Таким образом, фрагментом экспериментального исследования или опроса может быть не только предлагаемая процедура выделения категорий, но и сам контент-анализ в качестве составной части комплексного исследования механизмов обыденного приписывания ответственности и вины.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Девятко И.Ф.* Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2003.
2. *Дуглас М.* Риск как судебный механизм // THESIS. 1994. № 5. С. 242–253.
3. *Баньковская С.П.* Мери Дуглас: экскурс в антропологический модернизм // Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу. М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 5–16.
4. *Луман Н.* Понятие риска // THESIS. 1994. № 5. С. 135–160.
5. *Девятко И.Ф., Абрамов Р.Н., Кожанов А.А.* О пределах и природе дескриптивного обыденного знания о социальном мире // Социологические исследования. 2010. №9. С. 3–17.
6. *Alexander C., Becker H.* The Use of Vignettes in Survey Research // The Public Opinion Quarterly. 1978. Vol. 42, No. 1. P. 93–104.

¹ В ряде случаев толпа, действительно, обладает «мудростью», однако едва ли это наблюдение можно распространить на все случаи [43].

7. *Lagnado D.A., Channon S.* Judgements of Cause and Blame // *Cognition*. 2008. Vol. 108. P. 754–770.
8. *Knobe J.* Intentional Action and Side Effects in Ordinary Language // *Analysis*. 2003. Vol. 63. P. 190–193.
9. *Knobe J. et al.* Experimental Philosophy // *Annual Rev. of Psychol.* 2012. Vol. 63. P. 81–99.
10. *Finch J.* The Vignette Technique in Survey Research // *Sociology*. 1987. Vol. 21. P. 105–114.
11. *West P.* Reproducing Naturally Occurring Stories: Vignettes in Survey Research. Working Paper of MRC Medical Sociology Research Unit, 1982.
12. *Lickel B., Schmader T., Hamilton D.* A Case of Collective Responsibility: Who Else Was to Blame for the Columbine High School Shootings? // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2003. Vol. 29. P. 194–204.
13. *Рождественская Е.Ю.* Документальный доступ к «субъективным микротеориям» и обыденному знанию // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2011. № 33. С. 80–111.
14. *Charles C., Redko C., Whelan T., Gafni A., Reyno L.* Doing Nothing is No Choice: Lay Constructions of Treatment Decision-making Among Women with Early-stage Breast Cancer // *Sociology of Health & Illness*. 1998. Vol. 20, No.1. P. 71–95.
15. *Murphy E.* Risk, Responsibility, and Rhetoric in Infant Feeding // *Journal of Contemporary Ethnography*. 2000. Vol. 29. P. 291–325.
16. *Barter C., Renold E.* The Use of Vignettes in Qualitative Research // *Social Research Update*. 1999. Iss. 25 [on-line]. URL: <http://sru.soc.surrey.ac.uk/SRU25.html> (date of access: 01.11.2012).
17. *Давыдов А.А.* Социология изучает блогосферу // *Социологические исследования*. 2008. № 11. С. 92–101.
18. *Соколов М.* Онлайн-дневник, теории виртуальной идентичности и режимы раскрытия персональной информации // *Блоги: новая реальность. Личность и межличностное взаимодействие в сети интернет* / Под ред. В.Л. Волохонского, Ю.Е. Зайцевой, М.М. Соколова. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 9–39.
19. *Oreilly T.* What is Web 2.0: Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software // *Communication & Strategies*. 2007. No. 1.
20. *Boulianne S.* Does Internet Use Affect Engagement? A Meta-analysis of Research // *Political Communication*. 2009. Vol. 26 (2). P. 193–211.
21. *Быков И.А., Халл Т.Э.* Цифровое неравенство и политические предпочтения интернет-пользователей в России // *Полис*. 2011. № 5. С. 151–163.
22. *Лейбович О.Л., Шушкова Н.В.* «Живой журнал» как новая газета // *Мир России*. 2012. Т. 21. № 2. С. 144–161.
23. *Харченко К.В.* Материальная сторона жизни в зеркале субъективных смыслов: опыт контент-анализа // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2009. № 28. С. 129–147.

24. О сервисе IQBuzz [on-line]. URL: <http://www.iqbuzz.ru/about.php> (дата обращения: 27.05.2012).

25. На рынке мониторинга «ходят слухи»... [on-line]. 2012. URL: <http://www.likeni.ru/events/123776/> (дата обращения: 01.11.2012).

26. Сравнение автоматических систем мониторинга социальных медиа. 2011 [on-line]. URL: http://www.slideshare.net/Sky_Promo/2-10673972 (дата обращения: 01.11.2012).

27. Тичер С., Ме́йер М., Водак Р., Веммер В. Методы анализа текста и дискурса / Пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2009.

28. Spranca M., Minsk E., Baron J. Omission and Commission in Judgment and Choice // Journal of Experimental Social Psychology. 1991. Vol. 27. Iss. 1. P. 76–105.

29. Bennett J. Positive and Negative Relevance // American Philosophical Quarterly. 1983. Vol. 20. No. 2. P. 185–194

30. Девятко И.Ф. От интенциональности к ответственности/виновности (или наоборот?): результаты и перспективы исследования обыденных теорий действия // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [on-line]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСПИИ. М.: РОС, 2012. С. 46–53.

31. Рутцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. М. и др.: Питер, 2002.

32. Девятко И.Ф. О теоретических моделях, объясняющих восприятие справедливости на микро-, мезо- и макроуровнях социальной реальности // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2009. № 29. С. 10–29.

33. Generate Pseudo-random Numbers // The Python Standard Library. Numeric and Mathematical Modules [on-line]. URL: <http://docs.python.org/2/library/random.html> (date of access: 01.11.2012).

34. Дуглас М. Окружающая среда и риск // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 3. С. 37–48.

35. Peters I. Folksonomies: Indexing and Retrieval in Web 2.0. Berlin: Walter de Gruyter, 2009.

36. Гудвин Дж. Исследование в психологии: методы и планирование. 3-е изд. СПб.: Питер, 2004.

37. Krippendorff K., Hayes A. Answering the Call for a Standard Reliability Measure for Coding Data // Communication Methods and Measures. 2007. Vol. 1. No. 1. P. 77–89.

38. Krippendorff K. Content Analysis: An Introduction to Its Methodology. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 2004.

39. Тарпищ Е.Я. Перспективы развития метода контент-анализа // Социология: методология, методы, математические модели. 2002. № 15. С. 71–92.

40. Hayes A. SPSS, SAS, and Mplus Macros and Code [on-line]. URL: <http://www.afhayes.com/spss-sas-and-mplus-macros-and-code.html> (date of access: 01.11.2012).

41. *Brabham D.C.* Crowdsourcing as a Model for Problem Solving: An Introduction and Cases // *Convergence*. 2008. Vol. 14. No. 1. P. 75–90.

42. *Snow R., O'Connor B., Jurafsky D., Ng A.Y.* Cheap and Fast – But Is It Good? Evaluating Non-expert Annotations for natural Language Tasks // *Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP), Proceedings of the Conference*. Honolulu, 2008. P. 254–263.

43. *Mozer M.C., Pashler H., Homaei H.* Optimal Predictions in Everyday Cognition: The Wisdom of Individuals or Crowds? // *Cognitive Science*. Vol. 32. N. 7. 2008. P. 1133–1147.

Приложение

Дополнительные правила кодирования

1. Не кодировать записи в интернет-дневника на *LiveJournal.com*, состоящие из твитов (сообщения, размещаемые на платформе микроблогов *Twitter*).

2. В качестве актора не могут рассматриваться субъекты, которые производят оценку сложившейся ситуации. В сообщениях типа «Медведев считает, что виновные должны понести наказание» или «Мы охвачены гневом и возмущением из-за продолжающегося на нашей земле разгула терроризма» ни Медведев, ни «мы» не являются акторами.

3. Обращать дополнительное внимание на то, что для фиксирования актора должно быть соблюдено одно из трех условий:

- наличие связки «актор–действие»;
- наличие интерпретации теракта, в которой фигурирует некий актер;
- указание на общую ответственность актора.

Например, рассмотрим сообщение:

В аэропорту Домодедово в зоне посадки действует система обнаружения взрывчатых веществ, но в зоне посадки ее нет.

«Аэропорт Домодедово» здесь нельзя считать актором, поскольку он ничего не делает, ему не приписывается ответственность.

4. В некоторых сообщениях вместо рассуждений о самом теракте в Домодедово блогеры переходят на уровень обобщений. Например:

Крепнет пугающее ощущение, что теракты используются для манипулирования обществом, для переключения его внимания, провоцирования нужных реакций и уже стали особым инструментом управления.

Такие сообщения не только не кодируются потому, что в них нет актора, но и потому что неочевидна прямая связь с терактом в Домодедово. Иными словами, даже если бы и было указание на того, кто осуществляет это манипулирование, то совершенно не очевидно, что эта схема напрямую применяется блогером для описания ситуации в Домодедово.

5. Поскольку единица анализа – актер, то разработанная схема не позволяет приписывать одному актору несколько действий. Поэтому следует поступать следующим образом:

– если один и тот же актер упоминается в разных абзацах, совершая при этом разные типы действий, то для второго случая вводится новый актер;

– если один и тот же актер упоминается в разных абзацах, но совершает одно действие, то новый актер не вводится;

– если один и тот же актер упоминается в одном абзаце, при этом совершая разные действия, то необходимо выбрать или самое значимое по смыслу, или в наибольшей степени соответствующее маркерам ответственности действия.